

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ КОВАЛЕНКО

Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук
gmk49@mail.ru

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
nalbuz@mail.ru

ЭРИК ГУСТАВ ЭРСТРЁМ В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена биографии Эрика Густава Эрстрёма. Э. Г. Эрстрём – швед по национальности, уроженец Финляндии. Эрстрём является автором травелога „Для меня и моих друзей“. В этом тексте описывается путешествие Эрстрёма из Москвы в Нижний Новгород в 1812. Затем Эрстрём стал автором учебников по русскому языку в Финляндии. Эрстрём был пастором лютеранского прихода в Петербурге. Биография Эрстрём представляется в контексте политических и культурных событий первой трети XIX века.

Ключевые слова: Эрик Густав Эрстрём, Россия, Швеция, Финляндия, Отечественная война 1812, Наполеон, Александр I, Москва, Нижний Новгород, идентичность, травелог.

В 1809 г. окончилась последняя русско-шведская война. Шведы проиграли ее, но финны получили не только мир на выгодных условиях, но и автономию, ставшую первым шагом на пути формирования собственной государственности. Финляндии было предоставлено внутреннее самоуправление в рамках Российской империи. На начальном этапе финляндской автономии магистральная линия русского правительства в отношении Финляндии состояла в том, чтобы как можно большим числом мер, например с языковой точки зрения сближать ее с новой метрополией Россией, но не инкорпорировать в нее.¹

В этом плане целью языковой политики русского правительства было сближение высших слоев финского общества с русским правительственным аппаратом и русской культурой посредством распространения русского языка и, в конечном итоге, создание русскоязычной элиты в Финляндии. Важную роль в этом должен был сыграть Абоский университет. По распоряжению Александра I здесь был открыт специальный класс русского языка. В 1811 г. в Або прибыли два преподавателя из России, но они не владели шведским языком, на котором велось

¹ Jussila 2009: 135, 139.

преподавание в университете, и вскоре остались без учеников.²

Распространению русского языка в Финляндии должны были способствовать также государственные стипендии финляндским студентам и магистрантам. В 1811 г. государственный секретарь Государственной канцелярии М.М.Сперанский, ведавший делами Финляндии, распорядился послать в Москву двух студентов «для окончания своих наук в тамошнем университете». Весной 1812 г. в Москву для изучения официального языка империи были направлены два «знающих и известных по хорошему поведению» студентов Академии Эрик Густав Эрстрём и Карл Густав Оттелин.

Эрик Густав Эрстрём родился 28 мая 1791 г. в семье пастора в приходе Ларсму в Эстерботнии. Незадолго до начала русско-шведской войны он поступил в Абоский университет, но в июле 1808 г. прервал учебу и отправился добровольцем на театр военных действий в качестве гражданского комиссара (интенданта) Саволакского полка. Его военная карьера закончилась тем, что он был взят в плен и препровожден к графу Каменскому. Выяснилось, что граф недавно ночевал в Крунобу у его родителей. Поэтому с пожеланием счастливого пути и поклона супругам Эрстрём их сын был отпущен домой.

После окончания войны Эрстрём возобновил занятия в университете. Он осознавал, что Финляндия перестала быть частью Шведской короны и должна выбирать собственный путь в составе Российской империи. Вхождение Финляндии в состав Российской империи, изменившее ее геополитическое положение, открывало перед финляндской студенческой молодежью новые возможности, теперь они могли получить образование и сделать карьеру не в шведской Упсале, а в Москве, Петербурге или Дерпте.

Эрстрём и Оттелин были первопроходцами на этом пути. В Москве они окунулись в студенческую жизнь. В начале июля учебный год был завершен, и студенты были распущены на каникулы. Многие из них отправились домой, но в столице оставалось довольно много студентов-москвичей, казеннокоштные воспитанники, которые по недостатку средств не могли оставить Москву, а также университетские профессора.³ Эрстрём и Оттелин также остались в Москве.

В конце августа было решено эвакуировать университет во Владимир, Нижний Новгород или даже Казань. Ректор Гейм предложил Эрстрёму и Оттелину следовать вместе с университетом. Они приняли его предложение, поскольку возвращаться домой через Санкт-Петербург без сопровождения было довольно рискованно, и 1 сентября покинули Москву. В пути они постоянно общались с представителями разных слоев населения, так что эвакуация стала для Эрстрёма хорошей языковой практикой.

В Москве Эрик Густав тоже вёл дневник, в котором подробно и заинтересованно с юмором описывал свой быт, учебу, досуг, прогулки по Москве, её быт и нравы. Он продолжал делать записи и по дороге в Нижний Новгород. На общем фоне российской и европейской мемуаристики 1812 г., описывающей, как правило,

² Pohjolan-Pirhonen 1973: 317–318.

³ Andreev.

военные будни, походы и сражения, его дневник занимает особое место. В нем представлена «невоенная» история войны, повседневная жизнь русской провинции, незатронутой войной. Его дорожный дневник – это пестрый kaleidoscope событий, встреч, разговоров, бытовых сцен, городских и сельских пейзажей. На его страницах мы видим напуганных москвичей, беженцев, крепостных крестьян, оборванных пленных, телеги, гружёные ранеными и увечными, обывателей и военных. За месяц пути Эрстрём имел уникальную возможность изучить жизнь всех слоев русского общества сверху донизу.

Эрстрём воспринимал русскую действительность через протестантскую систему ценностей и линнеанскую традицию. Он сравнивал экономическую и социальную жизнь в России со шведской и западноевропейской. При этом его дневник отличает непредвзятость восприятия российской действительности, в нем нет следов высокомерия в отношении России и русских, свойственного некоторым иностранным наблюдателям.⁴ Вероятно, это связано с тем, что он уже идентифицировал себя как российского подданного: «Да, я швед, и только 6 месяцев нахожусь в России. ... Моя родина – новая Финляндия, следовательно, с осени 1809 года я русский подданный».⁵ Этим высказыванием Эрстрём актуализировал проблемы идентификации, возникшие перед жителями Финляндии после того, как она стала частью Российской империи.

В своем вынужденном вояже Эрстрём интенсивно постигал Россию. Её освоение шло рука об руку с изучением истории новой Родины. Вглядывание в Россию для Эрстрёма, будущего слависта и русиста, могло быть плодотворным при условии знания русского языка. Эрстрём стремительно овладевал им, и образцы его он находил в стихах Н.М. Карамзина, позднее – В.Л. Пушкина, в русских народных песнях. Он погружался в стихию русского языка, общаясь с представителями разных народных слоёв, и обобщал этот опыт в дневнике (например, глава дневника «Ваше высокоблагородие, любезный»). Такой же насущной культурной потребностью, как овладение русским языком, для Эрстрёма было изучение истории России. Она дала ему множество примет, благодаря которым он «узнавал» незнакомые ему селения на пути от Москвы к Нижнему Новгороду и сам Нижний Новгород.

Об источниках информации Эрстрёма о прошлом России можно узнать из списка его утрат, понесённых из-за пожара Москвы осенью 1812 г. Этот библиографический перечень приведён в книге Эрстрёма.⁶

1 сентября 1812 г. Э.Г. Эрстрём в составе университетского обоза выехал из Москвы – в эвакуацию. Ещё не ясно, куда: либо Нижний Новгород, либо Казань. Впереди была тревожная неопределённость. Эрстрём и Оттелин стали заложниками и обозниками кочующего университета.

Эрстрём и Оттелин оказались сразу погруженными в народную стихию. После выезда из Москвы они наслаждаются ломтями хлеба, посыпанными солью, находят прелесть в травяных щах (поелику капусты был недостаток, а мяса и вовсе не было),

⁴ Roginskij 1991: 65.

⁵ Érstëm 2013: 141.

⁶ Érstëm 2013: 122-124.

посещали кабак.

Ещё в Москве, рассуждая о русском ржаном хлебе, Эрстрём давал понять своим «друзьям»-соотечественникам, которые адресовались его строки, что ржаной хлеб, который в диковинку для них, в России является обыденностью. Более того, он оказался вкусней, чем тот, который выпекается в бывшей шведской провинции. Ироничное перечисление недельного меню в Москве и указание на «череду» блюд также свидетельствуют о непривычности однообразного рациона русских. У них молоко достаточно редко оказывалось на столе. Молоко, так нужное уроженцу Финляндии, пришлось заказывать отдельно и за свой счёт. В городе Покрове, получив уже знакомые зеленые щи с тем же чёрным хлебом, и отказавшись от них и соленой рыбы с несвежим запахом, Эрстрём долго искал привычное ему молоко. Потеряв надежду, он все-таки нашел его и оставил любопытное замечание: «Молоко с черным хлебом ел я с несказанным удовольствием! Если бы только всегда я мог есть такой вкусный и полезный для здоровья хлеб, как русский черный, и пить такое же молоко, как у русских крестьян! Богобоязненные эти люди считают большим грехом разбавлять молоко водой, а затем продавать его за настоящее. В Москве в этом смысле просвещение уже принесло свои плоды, как и у нас, в Швеции, так что в продаваемом молоке пятая часть воды». Но в основном питался Эрстрём зелеными щами, о чем он педантично и с юмором упоминал: «Если кому-то из вас любопытно узнать, где Густав Андреич Эрстрём сегодня пообедал зелеными щами из воды и травы с черным хлебом, то я могу удовлетворить его любопытство, сказав, что было в замечательном городе Судогде, самом отвратном из всех виденных нами городов!». Позднее нижегородскому крестьянину Эрстрём рассказал о рационе шведских крестьян: основной продукт питания – молоко; пшеничный хлеб, мясо, рыба, репа, картофель, горошек. «Когда наш крестьянин отправляется на работу, он обычно берет с собой мешок, в котором лежат хлеб, кусок мяса или сыра, несколько копченых рыб, корочка масла, а также бутылка простокваши».

Владимир-на-Клязьме с красивыми древними каменными строениями, Золотыми воротами, окруженный «стенами совсем как древние крепости» и «высоким валом», поразил Эрстрёма 7 (17) сентября 1812 г.⁷ Двумя днями позже Эрстрём отметил, что Золотые ворота и «древний вал» – единственное напоминание о прежнем великолепии Владимира (финляндский студент не мог датировать Успенский и Дмитровский соборы Владимира XII веком). Оно же было связано с тем, что город «в течение 170 лет, или с 1157 по 1238 год... был местом пребывания знатнейших великих князей Руси». В конечном итоге, столичное значение перешло к Москве. Правда, в эту державную эстафету между Владимиром и Москвой автор дневника неправоммерно поставил Суздаль, что может быть свидетельством в пользу того, что Эрстрёму в короткие сроки пришлось постигать огромный объём знаний по русской истории. Зато Эрстрём весьма квалифицированно представил две конкурирующие и сегодня версии основания Владимира. Согласно первой, город был основан в X в. Владимиром Святославичем, о котором студент Московского

⁷ Érstëm 2013: 67–68

университета знал, что «тот поспешествовал распространению на Руси христианской религии»⁸. По второй версии Владимир основал Владимир Мономах в начале XII в.⁹

В данном случае Эрстрём демонстрирует глубокие познания в истории России и истории Владимира. Сведения, приводимые им, соответствуют научным представлениям начала XXI в. Современные профессиональные историки считают датой основания Владимира 1108 год.¹⁰

В воюющей России беженец Эрстрём вынужден был быть осторожным из-за непритязательной шпиономании. Гуляя по Владимиру 9 сентября, швед Эрстрём, дабы не выдать свой акцент и не вызвать подозрения, грыз на улицах орехи: «если вы когда-либо будете опасаться подозрений, в желании их избежать – грызите орехи». Но даже в условиях незатейливой ксенофобии Эрстрём посмотрел спектакли на тему шведской истории «Густав Васа в Даларне» и «Карл XII в Бендерах». Король Карл XII как символ начала упадка Швеции в борьбе с Россией встречается не раз в дневнике Эрстрёма.

Из Владимира Эрстрём вместе с университетским обозом последовал по дороге Москва – Нижний Новгород, сложившейся еще в русское средневековье: Москва – Владимир – Судогда – Муром – пересечение Оки – Павлово – Ворсма – Богородское – Нижний Новгород.¹¹

Путевые записки, сделанные на отрезке от Владимира до Мурома (река Ока), позволяют понять, что их автор еще только приближался к пониманию того, что Финляндия – это уже не Швеция. И в дневнике Эрстрёма постоянно упоминаются *Швеция, шведский* в качестве критериев оценки увиденного в России. Например, уставший от дороги из Москвы в городе Судогде (современный районный центр Владимирской области) Эрстрём с раздражением писал: «Как мне описать город Судогду? Вероятно, достаточно будет, если я скажу, что вряд ли самая захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья». Понятно, что «деревня в Швеции» – это поселение в Финляндии. Эрстрём был не прав. В 1806 г. в Судогде произошел пожар, уничтоживший почти весь город. Естественно, что через шесть лет после бедствия Судогде трудно было поразить цветущим видом Эрстрёма. Будучи в Судогде, Эрстрём поведал о своем попутчике: «... гимназист Нелговский... Родом он из Черниговской губернии. Побывав в Полтаве он видел то место, где произошло сражение между Карлом XII и Петром Великим». Однако такого опосредованного свидания со своей историко-культурной идентичностью финляндскому студенту-шведу было мало.

В самые тоскливые дни бегства из Москвы поддержку Эрстрём искал в образах близких ему людей: «С опечаленным сердцем бреду я среди тысяч других несчастных беженцев из древней столицы России с едва теплящейся надеждою вновь увидеть вас, друзья мои, или же любезных моих родителей и сродственников. Взгляд мой тщетно ищет страну, под небом которой вы обретаетесь, но вижу я лишь собственные

⁸ Kuznecov 2011: 3–14.

⁹ Érstëm 2013: 69.

¹⁰ Kučkin 2011: 12–13.

¹¹ Kirjanov 1983: 40–46.

слёзы». Только новые открытия на пути смягчали приступы ностальгии у финляндского шведа.

Муром понравился Эрстрёму, причем эстетические впечатления перемежались у него с весьма научно корректными рассуждениями о древности города: «Муром – один из древнейших городов России, более древний, чем Владимир¹², и по застройке его можно сравнить с Ньюкарлебу в Финляндии. Все дома, за редким исключением, бревенчатые и большая их часть не выкрашена. Это придает городу сходство с деревней. Город украшают шестнадцать церквей. Расположение у реки Оки делает Муром привлекательнее и превращает его в бойкое торговое место».¹³ Применительно к Мурому Эрстрём проявил недюжинные познания в былинном эпосе.¹⁴ Здесь Эрстрём привёл устоявшуюся к началу XIX в. в Российской империи и дожившую до сих пор трактовку образа богатыря Ильи Муромца. В нем слились герой русских былин, выходец из Муромца (есть другие варианты написания его неканонического имени, позволяющие возводить его к украинским землям), служивший князю Владимиру, и инок Киево-Печерского монастыря, канонизированный в 1643 году. Именно его мощи хранятся в Киево-Печерском монастыре. Еще раз об Илье Муромце Эрстрём вспомнил, когда обозревал лес на правом берегу Оки, ошибочно считая его Муромским.¹⁵

Текст урожденного шведа, финляндского студента в Московском университете и основоположника финской русистики содержит много другой интересной информации по истории России, ее городам, селам и деревням, людям в годину тяжких потрясений. Тогдашние села Нижегородской губернии оценивались Эрстрёмом выше, чем ранее увиденные небольшие города других губерний. Весьма важны для историков замечания студента о больших, богатых и трудовых селлах – Погосте, Павлове, Ворсме, Богородском (Богородске), нижегородских деревнях Доскино, Новинки, Новая... Эти сообщения дневника дают много сведений об инфраструктуре Нижегородской губернии к югу от Нижнего Новгорода (кстати, Эрстрём в духе страноведческих штудий той эпохи отмечает промыслы, предприятия и коммерческие занятия жителей тех поселений, через которые он проследовал).

Само описание Нижнего Новгорода сделано резкими и крупными мазками. Ёмкое и лаконичное описание дома, где проживал Эрстрём в конце своего нижегородского срока, позволяет его локализовать где-то в районе пресечения современных улиц Ильинской, Горького, Арзамасской и Ямской. И вот из окна этого дома Эрстрём любовался Петропавловской церковью. Для современного Нижнего Новгорода такая перспектива невозможна. То есть, в 1812 г. городские ландшафт и этажность были такими, что для этого нижегородского микроучастка здание церкви Петра и Павла было высотной доминантой. Данный штрих существенно дополняет представление о малоэтажном Нижнем Новгороде 1812 г.

Ценным источником являются воспоминания Эрстрёма и по другим сторонам

¹² Первое упоминание Муромца в Повести временных лет под 862 г.

¹³ *Érstëm* 2013: 76.

¹⁴ *Érstëm* 2013: 77.

¹⁵ *Érstëm* 2013: 78.

нижегородской жизни 1812 г. В Нижнем Новгороде, его архивохранилищах практически не отложилась документация о первом университетском опыте. А он был очень тяжелым в бытовом плане: «... губернатор отказался предоставить университету другое помещение, ссылаясь на и без того чрезмерную тесноту в городе. Тем временем университетский обоз уже въезжал в Нижний Новгород. К счастью, добрый директор гимназии и учителя согласились, прекратив занятия, уступить странникам все оставшиеся учебные помещения, включая и свои собственные покои; там, в страшной тесноте и неудобстве, вынуждены были ютиться профессора и студенты вместе с вывезенным имуществом».¹⁶ Записи Эрстрёма подтверждают то, что Московский университет в Нижнем Новгороде только проживал в эвакуации. Преподавания там не велось.

В Нижнем Новгороде Эрстрём ещё раз обратился к сюжетам из российской истории. 2 (14) октября он, описывая свою прогулку по Нижнему Новгороду, упомянул ряд фактов из его истории: «Шестьсот лет назад в 1212 г. великий князь Юрий¹⁷ шествовал той же дорогой, что и мы... Только кое-где стояли лачуги, в которых жили мордвины. Великий князь, плененный красотой и удобством расположения этого места, решил основать здесь торговый город. Мордвины, которые тогда еще были язычниками и древними обитателями этой земли, были вынуждены бежать от воинственного великого князя, и вскоре между Окой и Волгой показались русские дома и церковь, носящая имя Архангела Михаила.

Городу дано было название Новый город. Но, поелику на севере уже был Новгород..., то у нового Новгорода впереди появилась приставка Нижний, то есть расположенный на юге...

Сначала на город напали мордвины, которые хотели отвоевать старое свое место проживания. Пришельцы были разбиты и взяты в плен, а их могилы покоятся с тех пор на волжском дне. Затем пришли татары, накрывшие Россию опустошительной волной. Нижний Новгород оказался тогда первым городом, который они подчинили себе. В течение двухсот лет, пока Россия стонала под татарским игмом, город этот часто терпел голод, нужду и прочие тяготы. И все же впоследствии Нижний Новгород возродился. Перепись начала XVII века упоминает в нем 1300 дворов».¹⁸

Здесь Эрстрём вольно пересказывает сведения памятника нижегородского летописания XVII в. – Нижегородского летописца.¹⁹ Об этом свидетельствуют: 1) неверная дата основания Нижнего Новгорода – 1212 (6720) г., встречающаяся лишь в Нижегородском летописце; 2) уникальные сведения о том, что на месте будущего Нижнего Новгорода, при устье Оки жила мордва – читается только в Нижегородском летописце; 3) упоминание постройки каменной церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде есть только в Нижегородском летописце (в других летописях, в том числе и в Лаврентьевской (создана в 1377 г.), содержащей наиболее полный набор сведений по истории Нижнего Новгорода в 1220–1230-е гг., вместо Михаило-

¹⁶ Andreev.

¹⁷ Великий владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович (годы жизни 1188–1238; годы владимирского княжения 1212–1216 и 1218–1238) основал в 1221 г. (не в 1212 г.!) Нижний Новгород.

¹⁸ Ėrstĕm 2013: 104–105.

¹⁹ Šajdakova 2006: 136, 143, 148, 169, 183, 197, 212, 225, 238, 249, 258.

Архангельского собора упоминается другой – каменный Спасо-Преображенский собор) – это известие объясняется тем, что Нижегородский летописец создавался в Михаило-Архангельском соборе XVII в., и летописец удрежнял таким образом «свой» храм.

Эрстрём предложил самую распространенную этимологию полисонима *Нижний Новгород*. Во второй половине XIX в. появится версия, выводящая название от Городка, расположенного вверх от устья Оки (сведения об этом брались из Нижегородского летописца). В последней трети XX в. укрепилась гипотеза о том, что Новгород на устье Оки получил название *Нижний* по отношению к Городцу, расположенному вверх по Волге²⁰.

В рассказе о бедствиях, обрушившихся на только поставленный Нижний Новгород, усматривается вольное изложение Эрстрёмом информации, почерпнутой из Нижегородского летописца: в 6811 (1303) г. мордва безвестно пришла к Нижнему Новгороду, но была отогнана нижегородско-московской ратью, земли мордвы были разорены, пленники были приведены в Нижний Новгород, где их по льду волочили и псами травили; в следующей статье 6825 (1317) г. татары из Мамаевой орды взяли Нижний Новгород.²¹ Данный текст Нижегородского летописца – переложение распространенного в общерусском летописании XV–XVI в. рассказа о наказании нижегородской мордвы зимой 1377/1378 гг. за помощь татарам в битве на Пьяне, последовавшем сожжении ордынцами Нижнего Новгорода и разорении мордвой Нижегородского уезда летом – осенью 1377 г.²²

В Нижегородском летописце эти сведения являются первыми известиями о «вызовах» Нижнему Новгороду со стороны внешних врагов. Они причудливо додумываются Эрстрёмом и контаминируются, соединяясь с его представлениями о русской истории. Нижний Новгород у него оказался первым русским городом, принявшим удар монголов, которые установили иго на 200 лет (вообще, неизвестно был ли Нижний Новгород разгромлен монголами в 1238–1239 гг.). Мордва оказалась «погребенной под волжской водой», наверное, потому что кара над мордовскими пленниками зимой 1378 г. вершилась на льду Волги. В выстраивании нарратива по нижегородской истории Эрстрём не обращает внимания на недостоверные даты своего источника и не соотносит их с хронологией русской истории, ему известной лишь в общих чертах. Но требовать от молодого иностранного студента владения инструментарием исторического исследования и обширной эрудиции по истории России нельзя. Но реальная последовательность событий нижегородской истории верно отражена Эрстрёмом: первое вражеское нападение на Нижний Новгород было совершено мордвой, ведомой Пургасом, весной 1229 г., а затем Нижний Новгород после Батыева нашествия в 1237–1238 гг. подпал под ордынское иго.

Сообщение о числе дворов в Нижнем Новгороде в начале XVII в. является удачной интерпретацией Эрстрёмом сведения того же Нижегородского летописца: в

²⁰ Kuznecov 2003: 177, 181, 183–184.

²¹ Šajdakova 2006: 136–137, 143–144, 149–150, 169–170, 183–184, 197–198, 212–213, 225–226, 238–239, 249–250, 258–259.

²² См., например: Simeonovskaja letopis 2007: 118–119.

7129 (1621) г. писцы Дмитрий Лодыгин, Василий Полтев и дьяк Дементий Образцов в переписи отметили, что «в посаде 1300 дворов».²³

Изучение этих и других цитат из Нижегородского летописца у Эрстрёма позволило установить, что он читал Первую сокращенную редакцию Нижегородского летописца (список XVIII в.).²⁴

Студент Эрстрём, обреченный обстоятельствами на прозябание и праздное и голодное времяпрепровождение в Нижнем, проявил интерес к нижегородской истории. Ее изучение Эрстрёмом шло по самобытному и ещё не исследованному памятнику местного летописания XVII в. – Нижегородскому летописцу. Оказалось, что Эрстрём, только начавший изучать русский язык, сумел прочесть достаточно сложный, наполненный русскими архаизмами текст этого памятника, извлечь из него те пассажи, которые должны были привлечь глаз читателя.

Эрстрём указывает, что пользовался городской летописью. Это замечание связано с рассказом, посвященным истории конкретного места: «Но, давайте покинем торговую площадь и пойдем по Рождественской улице влево вдоль Оки. Здесь под береговым обрывом, вопреки ожиданию, обнаруживается ряд домов, хотя и каменных, но в большинстве своем построенных безыскусно. Поспешим же мимо них и пойдем к городской окраине. Здесь хочу показать вам место, где вскоре по основании Нижнего Новгорода, произошел оползень. В древней летописи города об этом дословно сказано так: «В Нижнем Новгороде, на берегу Оки у подножия холма была слобода. Но по воле Бога и за грехи людей рухнул весь холм с росшим на нем лесом на город. Он похоронил сто пятьдесят дворов вместе с находившимися там людьми и животными»».²⁵

В переложении этого отрывка Нижегородского²⁶ Эрстрём демонстрирует свойственные ему трудности перевода русских летописных источников. «Городок» превратился у него в город, под которым он подразумевал недавно основанный Нижний Новгород. В летописце же оползень погубил слободу, стоявшую под горой с Городком, а у Эрстрёма собственно – город, т.е. Нижний Новгород.

В этой же части дневника Эрстрём ещё раз обратился к Нижегородскому летописцу – в связи с посещением кафедрального Спасо-Преображенского собора. Храм находился в кремле, который Эрстрём справедливо сравнил с московским кремлем.²⁷ Поднявшись на звонницу собора, Эрстрём с заботой о читателе снабжает описание самого большого нижегородского колокола историей, с ним связанной: «Но чтобы вы могли представить себе, что колокол интересен, я зачитаю вам следующее место из летописи Нижнего Новгорода:

«В 6880 году от сотворения мира, или в 1372 году от Рождества Христова, самый большой колокол собора христианской церкви, сам по себе прозвонил трижды. [Сведение из Нижегородского летописца²⁸]». Оговорим только то, что в XIV в. было

²³ Šajdakova 2006: 159, 176, 190, 205, 219, 232, 245, 255, 264.

²⁴ Kovalenko, Kuznecov 2012: 104.

²⁵ Ěrstĕm 2013: 105–106.

²⁶ Šajdakova 2006: 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

²⁷ Ěrstĕm 2013: 107.

²⁸ Сведение из Нижегородского летописца: Šajdakova 2006: 138, 145, 152, 171, 185, 200, 214 (событие

другое здание Спасо-Преображенского собора, которое так обветшало к XVII в., что его заменили. Именно построенный в XVII в. собор и видел любознательный студент. Прогулка его закончилась выходом к восточной окраине города: «Не стану просить вас дойти до Казанской заставы на Печерской улице – то есть на улице гонимых христиан – ибо я уже вас утомил»²⁹. Здесь Эрстрём предлагает авторскую этимологию названия *Казанская застава*. Видимо, поскольку от нее начиналась дорога на Казань, которая до 1552 г. была столицей ханства, куда угоняли русских пленных, то автор посчитал это обстоятельство основным мотивом для имянаречения. На самом деле, в основе топонимов *Казанская застава* и *Казанский тракт* лежат исключительно географические обстоятельства.

Во время следующей прогулки – 9 (21) октября – по дороге от Нижнего Новгорода по направлению к Казани Эрстрём опять обратился к Нижегородскому летописцу: «Светило солнце, погода была безветренна, и мне не стоило опасаться того небесного путешествия, что совершил некий крестьянин 416 лет назад на том самом месте, каковое я только что проследовал. Хочу рассказать вам об этом событии на основании летописи Нижнего Новгорода: «В 6904 году от сотворения мира, или в 1396 году от Рождества Христова, случился в Нижнем Новгороде такой сильный вихрь, что у Казанской заставы проезжавшего по дороге крестьянина вместе с телегой и лошадью подхватил ветер и поднял так высоко, что его больше никто не видел. На следующий день нашли висящую на дереве телегу и мертвую лошадь на другом берегу Волги. Но следов человека не нашли» [Сведение из Нижегородского летописца³⁰].³¹

В летописном тексте нет Казанской заставы, имеющейся в отрывке у Эрстрёма. Видимо, автор, выходя из города через Казанскую заставу, «приближает» историю конца XIV в. к себе и к читателям, показывая, каким опасностям он мог бы подвергнуться. Так Эрстрём наращивал тревожное настроение того, кто мог бы читать его записи, что подтверждается ещё одной цитатой:

«Я все шел по обрывистому берегу Волги. Холмистый берег был неровным, то там, то сям в выбоинах, весь в расщелинах. Эти расщелины – отметины бывшего в далеком прошлом оползня. Вскоре я пришел к прежнему Печерскому монастырю, окруженному крепостной стеной. С высоты я зрел остатки этого почитаемого монастыря, разрушенного в результате природного бедствия 215 лет назад. Не буду рассказывать об этом несчастье сам, а предоставлю возможность нижегородской летописи сделать это в простых безыскусных выражениях:

«В 7105 году от сотворения мира или в 1597 году от Рождества Христова, 18 дня июня месяца, случилось в Нижнем Новгороде, что выше Печерского монастыря образовалась большая трещина в земле. У подножия холма стоял монастырь на берегу Волги. И холм начал, вместе с растущим на нем лесом и посевами ржи, сползать на монастырь с чудовищным треском и грохотом. Людей охватили сильный

датировано 6882 годом), 227, 240, 251, 260.

²⁹ Ęrstĕm 2013: 109.

³⁰ Сведение из Нижегородского летописца: Šajdakova 2006: 139, 146 (под 6889 г.), 154, 173, 187, 201, 216, 229, 241, 252, 261.

³¹ Ęrstĕm 2013: 127.

страх и ужас.

Тогда архимандрит Печерского монастыря Трифон взял Святой Крест и чудотворную икону Богоматери и вышел из монастыря со всеми священниками и монахами и начал молитвенное пение с плачем...

По милости Бога оползень не остановился над самим монастырем, а прошел под ним в Волгу. Но монастырь был сильно поврежден. Церковь Христова Вознесения была полностью погребена, и остался только купол над алтарем. Церковь Пресвятой Богородицы была разрушена до алтарных окон. Деревянная церковь Николая Чудотворца сдвинулась с места. Монашеские кельи и хозяйственные постройки были засыпаны землей. На берегу погребенными оказались многие дворы» [см. Нижегородский летописец³²].³³

В Нижнем Новгороде у Эрстрёма ностальгически обострилось шведское самосознание. Оно в 1812 г. куда более важно для Эрстрёма, нежели финское (или финляндское), которое он еще не осознал. Именно через шведские язык и культуру он более тяготеет и проявляет интерес к немцам, которые обосновались в России. Правда, домовитым финнам, бывшим тогда по социальному статусу и образовательному уровню ниже шведов, трудно было бы оказаться в Москве через три года после вхождения их страны в состав Российской империи. И окажись финны в России, быть может, автор дневника более подробно говорил бы о них, хотя, судя по страницам дневника, он представлялся шведом. Но все же, будучи уже в Нижнем Новгороде, описывая семейство немецкого аптекаря Эвениуса, Эрстрём отметил: «Они до мозга костей немцы, а шведы и немцы наполовину братья». Эвениусы, не зная об этой записи, тоже выразили почтение шведскому происхождению Эрстрёма. Рассказывая о шведских военнопленных 1788 г., Эвениусы подчеркнули их любезность, вежливость и галантность. По этому поводу Эрстрём отметил, что «сколь счастливы были шведские военные в обществе русских дам», контрастом чему было впечатление, произведенное русскими офицерами на финляндских дам во время русско-шведской войны 1809 г. В Нижнем Новгороде Эрстрём познакомился с татаринном, который упомянул, что Карл XII был сто лет тому назад с татарами в Бендерах. И этот татарин признал шведов храбрым народом.

Уже в Нижнем Новгороде, общаясь с девушками, сидящими у окошка, Эрстрём на их вопрос отвечал, что у него в Швеции девушки тоже проводят время у окна, «чувствуют красоту природы». Ответное внимание нижегородцев к Эрстрёму порой принимало курьёзные формы: «Мне пришлось рассказать об управлении и учреждениях Швеции, а также об укладе жизни на моей родине. Меня спросили даже о моей одежде, и когда я сказал, что она сработана в Або, ее внимательно осмотрели и дивились, что в Швеции и Финляндии делают столь похожую одежду, да к тому же на тот манер, что и в России». Удивлялись нижегородки и свободе выбора супруга в Швеции и тому, что шведские женщины используют румяна или белила в редких случаях, чтобы не «менять природную свою прелесть». Напрасно Эрстрём пытался научить нижегородок шведской рождественской игре – «жатве овса». Из-за того, что

³² Šajdakova 2006: 142, 147, 157, 175, 189, 203–204, 218, 231, 243–244 (цитата отсюда), 254, 263–264.

³³ Ėrstĕm 2013: 127–128.

он не был православным, игра вызвала неприятие.

Интересны наблюдения Эрстрёма за культурной жизнью Нижнего Новгорода второй половины 1812 года. Они, в частности, свидетельствуют о быстром распространении среди беженцев и нижегородцев знаменитого стихотворения В.Л. Пушкина «К нижегородским жителям». Это первое упоминание данных стихов. Более того, Эрстрём указал на существование нижегородского стихотворного ответа В.Л. Пушкину, о котором ранее известно не было. К сожалению, его текст московский студент не записал.

Воспоминания Эрстрёма щедро снабжены цитатами из стихотворных произведений, и в частности из произведений Н.М. Карамзина. Это свидетельствует о том, что Эрстрём был поклонником его творчества. Однако нигде в книге не говорится о пребывании крупного деятеля русской словесности и истории в Нижнем Новгороде, о встречах с ним автора, хотя город тогда был небольшим, и образованное общество было на виду. Чем объяснить тот факт, что Эрстрём «не заметил» Карамзина? Возможно, тем, что первый был все-таки студентом, а университетская корпорация вела замкнутый образ жизни. Карамзин же был занят своими научными и семейными делами (в Нижнем Новгороде у него умер сын). Косвенно это подтверждают факты общения студента Эрстрёма с низовым уровнем нижегородского дворянства, чиновничества и мещанства. Недавно прибывший в Россию Эрстрём был наслышан исключительно о литературном творчестве Н.М. Карамзина, и до него не дошли слухи о том, что писатель и поэт полностью переключился на создание «Истории государства Российского».

Эрстрём сам каким-то образом постигал историю России, и записи от 9 (21) декабря 1812 г. подтверждают это: «Между тем русская армия одержала немало славных побед над Наполеоном. До нас доходили радостные вести. Дух Пожарского воскрес в сынах России. Да здравствует отважный фельдмаршал Кутузов! Наполеон разбит и отступает».³⁴

В данном случае упоминание князя Д.М. Пожарского многозначительно. Кутузов изгоняет врага после оставления Москвы, а Пожарский в 1612 г. освободил Москву от польско-литовского гарнизона. Эрстрём вспоминает о Пожарском после очередного отрывка о нижегородском ополчении 1812 г. Так он устанавливает связь времен 1612 г. и 1812 г. Но Эрстрём не сопрягал подвиг Пожарского и ведомого им ополчения с Нижним Новгородом. Хотя, казалось бы, пребывание автора дневника в Нижнем Новгороде, где за 200 лет до него формировалось ополчение Минина и Пожарского, уже должно было бы обогатить исторические познания Эрстрёма.

Ещё во время пребывания Эрстрёма в Москве был обнародован манифест «О сборе внутри государства земского ополчения» (6 июля 1812 г.). В нём упоминался исторический опыт 1611–1612 гг. князя Пожарского, Кузьмы Минина, монаха Авраамия Палицына. Сергей Глинка в «Записках о 1812 годе» зафиксировал примечательный факт: «Предполагали, что в Нижнем устроится главное ополчение и двинется к Москве мининскими путями».³⁵ Так государственная власть составляла

³⁴ Ęrstĕm 2013: 154.

³⁵ Lušin 2010: 9.

«сценарий» войны с Наполеоном, реанимируя опыт преодоления кризиса двухвековой давности. Эрстрём знал о славном 1612 годе в истории России, и двойное упоминание Пожарского свидетельствует о владении финляндским студентом историко-культурным кодом России начала XIX в.; ему были понятны отсылки власти к имени Пожарского. Именно он освободил в 1612 г. Москву. Эрстрём не пишет об ополчении 1612 г., но только о его лидере – князе Пожарском. Возможно, это связано и с тем, что к 1812 г., и особенно в контексте грозных событий этого года, в России «подвиг 1612 г.» воспринимался и подавался как имперское достояние, а потому его нижегородский и народный «субстрат» не был актуализирован.

Кузьма Минин, подлинный инициатор организации в Нижнем Новгороде ополчения, вообще, не упомянут в дневнике Эрстрёма. Он, видимо, не знал, кто такой Минин. Данное предположение нашло своё подтверждение уже после издания записок Эрстрёма. Он привёл на шведском языке текст марша нижегородского ополчения 1812 г.:

Спеши, грозная вооруженная рать!
Поспешай под знаменами России!
Туда, где вероломный враг
Хочет поработить родину.

Хор:

Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас –
Душой и сердцем русский

Наш правитель – преемник Ярослава,
Основатель свободы Нижнего Новгорода.
Мы – потомки славян,
Метавших молнии во вражеский стан.

Мы очистим родную землю
От варварских вражеских полчищ.
Мы жаждем справедливого отмщения,
Стягаем славу в бою или умрем.

Хор:

Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас –
Душой и сердцем русский.³⁶

Уже после выхода в свет записок Эрстрёма профессор Новгородского государственного университета В.А. Кошелев обнаружил русский оригинал этого марша:

³⁶ Érstëm 2013: 133.

Стремися, грозно ополченье,
Под сенью отческих знамен
Туда, где лезть, коварство, мщенье
Готовят россам вечный плен!

Хор:
Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? —
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством россе?

Наш *царь* — наследник Ярослава;
А мы — потомки тех славян,
Пред конми летала слава
И гром бросала в вражий стан!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Пойдем! — душами съединимся,
России храбрые сыны!
Усердьем, верой ополчимся
К защите отческой страны!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Дружину нового Мамаю
С лица земли родной сотрем,
И мстью праведной пылая,
Иль лавр в бою — иль смерть найдем!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!

Хор:
Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? —
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством россе?³⁷

Сюжет с могилой Минина в оригинале текста марша примечателен тем, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Нижнем Новгороде сложилось стойкое убеждение о захоронении Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе кремля. Как показало исследование, ни источников, ни оснований для такого суждения нет.³⁸

³⁷ Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества. Ажикова 1814: 35–36.

³⁸ Morohin, Kuznecov 2011: 186–206; Kuznecov 2012: 174–176.

21 января (2 февраля) 1813 г. старообрядческую церковь в Нижнем Новгороде, Эрстрём писал: «Когда в X веке в России водворилась православие, богослужение проводилось в соответствии с уставом греческой церкви уже третье столетие. Когда же впоследствии Григорий Богослов и Василий изменили обряды богослужения, во время правления Ивана Васильевича, многие русские посчитали, что это противоречит требованиям веры. Они остались упорными приверженцами старых обрядов, и их потомки называются староверами».³⁹ Понятно, что Григорий Богослов и Василий Великий не имели отношения к церковной реформе в России, проведенной в середине XVII в.

Внимание Эрстрёма к церковной истории России обусловлено его протестантской системой ценностей. Постоянно ища подтверждения корректности своих убеждений, Эрстрём в Нижнем Новгороде (да и в Муроме, нижегородских Павлове, Ворсме, Богородском) обращает внимание на церковную архитектуру, посещает соборы и монастыри и особенности богослужения в никониановском и старообрядческом храмах. Быть может, в во втором он усматривал некую параллель оппозиции «католический–протестантский»–«ортодоксальный (православный)–старообрядческий» (думается, что мимо внимания Эрстрёма прошло то, что староверы именно себя считали православными). Черпая силы из своей веры, Эрстрём не мог проигнорировать и наличие лютеранской общины и церкви в Нижнем Новгороде. Правда, контекст описания их (1 (13) декабря 1812 г.) позволяет почувствовать иронию автора по поводу примитивности нижегородских лютеран. Для истории Нижнего Новгорода эти строки весьма примечательны, так как позволяют выстроить траекторию истории немецкой общины в Нижнем Новгороде: от первого упоминания при Иване Грозном к служилым «немцам», защищавшим Нижний в Смутное время к немецкой волне в XVIII в. (представителями которой были Эвениусы), а оттуда к Немецкой улице (уже после Эрстрёма) – маркера компактного проживания немцев – близости от Петропавловской церкви.

Очевидно, что и Смута вызывала трудности у свежее испеченного русского подданного, который, к тому же, был протестантом. Эти проявилось в ещё одном «трудном месте» текста Эрстрёма, передавшего впечатления от процедуры анафематствования 2 (14 марта) 1813 г.: «Анафеме предали отвергающих Христианство, а также предателей и еретиков. Прокляли Мазепу, помогавшему Карлу XII, Пугачева, притворявшегося Петром III, Бориса Годунова, убившего великого князя Дмитрия, и Наполеона. Предали анафеме и староверов, соблюдавших старые церковные обряды».⁴⁰ Но Борис Федорович Годунов не отлучался от церкви, а потому не мог анафематствоваться в 1813 г. Причастность к преждевременной и трагичной смерти царевича Дмитрия в Угличе до сих не доказана.⁴¹ Вероятно, Эрстрём перепутал. С подачи Бориса Годунова анафеме был предан Григорий Отрепьев, выдававший себя за якобы спасшегося царевича Дмитрия.

³⁹ Ёrst m 2013: 169.

⁴⁰ Ёrst m 2013: 177.

⁴¹ Kozljakov 2011:117–125.

Другое наблюдение Эрстрёма касалось ответа нижегородцев на стихотворное обращение к ним В.Л. Пушкина «Примите нас под свой покров, питомцы волжских берегов». Быть может, зафиксированное на шведском языке опубликованное начало поэтического ответа В.Л. Пушкину⁴² позволит найти его оригинал!

Сличение с оригиналами записей русских песен и стихов, сделанных Эрстрёмом на шведском языке, показывает, что мемуарист был достаточно точен. Его внимание к русским текстам и корректность в обращении с ними, очевидно, связаны с его университетской специализацией. Вспомним, что студент Эрстрём изучал русскую словесность. Постигал он ее старательно, и ему было суждено остаться в истории науки основоположником финляндской русистики и пропагандистом русского языка.

Итак, любознательный студент Абоского университета, получивший стипендию российского правительства, весной 1812 г. оказался в Московском университете для того, чтобы изучить русский язык и способствовать его распространению в Новой Финляндии. Затем волею судеб он после трудного пути оказался в сердце европейской России – Нижнем Новгороде, а в 1813 г. вернулся на родину. Там он быстро, но ненадолго, сделал карьеру учёного в области российской словесности. Есть все основания утверждать, что российский вояж Эрика Густава Эрстрёма предопределил его быструю, продуктивную, но продолжительную карьеру русиста. Вместо привычной схемы: сформировавшийся учёный-гуманитарий приезжает в другую страну и фиксирует свои наблюдения – в случае с Эрстрёмом всё складывается наоборот. По причудливой логике обстоятельств он – 23-летний юноша – оказался в стране, чью культуру внутри себя пришлось соотносить и примирять со своей родной культурой. Интригу здесь добавляло то обстоятельство, что совсем недавно подданный шведской короны Эрстрём воевал с Россией. И этот процесс приобретения российской идентичности при сохранении своей исконной шёл во время эвакуации стипендиата Московского университета в Нижний Новгород.

Географическое постижение России развивалось одновременно с экскурсией по её прошлому. На исторической карте России Эрстрём неплохо ориентировался среди ключевых событий и фигур. Прибыв в Москву в апреле 1812 г., он уже в сентябре 1812 г. знал о роли князей Владимиров – Святого (980–1015) и Мономаха (1113–1125) – в истории России, разобрался в вопросе об основании Владимира, осознавал более седую древность Муром, имел познания в русском былинном эпосе, понимал место и роль монгольского нашествия, выделял как вехи церковный раскол и Смуту. Но всё это было своеобразными «реперными точками» в постижении русской истории. Более глубокая детализация этих важных событий для Эрстрёма оборачивалась неравномерностью в их осмыслении. Уверенно он чувствовал себя в древнем периоде – истории Руси, а вот события XVII в. с резко увеличившимся набором действующих лиц, сложностью и многомерностью вызывали у Эрстрёма затруднения. Кроме вышеуказанных объяснений, уместно ещё одно. Швед, уроженец Финляндии изучал историю России, двигаясь от древности к своему времени. В силу этого Эрстрём к осени 1812 г. уже знал седую древность Руси, но ещё только «наводил резкость» в

⁴² Érstëm 2013: 152.

создании ясной картины Смутного времени и с трудом пробивался богословские сложности Раскола. Неискушенному в изучении исторических источников Эрстрёму оказалось достаточным прикосновение к летописному манускрипту, позволившее ему представить прошлое Нижнего Новгорода.

Это современное звучание для историографии текста Эрстрёма позволяет говорить о представленном нарративе как своеобразном путешествии в историю России. Сама по себе публикация его путевых записок актуализировало целый ряд исторических проблем: Отечественная война в 1812 г., российская провинция в 1812 г., сообщение Москва–Нижний Новгород в средневековье и Новое время, изучение нижегородского летописания XVII в.

Нужно обозначить и особое – чуть ли не историко-антропологическое – отношение Эрика Густава Эрстрёма к нижегородцам, их земле, сочетающее восторг, радостное удивление и глубокий сочувственный интерес. Он изучал город, общался с его жителями, интересовался его историей, задумывался о старообрядчестве, утолял жажду маслом (можжевеловым квасом), то есть занимался тем, что сейчас бы назвали этнографией. Все это и многое другое свидетельствует о большой человеческой симпатии Эрстрёма к Нижнему Новгороду.

Эти положительные эмоции разительно отличаются от чувств Эрстрёма по пути из Москвы в Нижний Новгород. И дело не в том, что другие пункты транзита финляндского студента меньше внушали позитива, а в том, что в Нижнем Новгороде он убрёл пристанище, уют. А дорога пугала его неизвестностью, подкрепляемой лишениями и осенним ненастьем.

В марте 1813 г. в Нижний Новгород пришло предписание о возвращении всего университетского персонала в Москву. Однако Эрстрём и Отгелин понимали, что после пожара, уничтожившего университетские здания и библиотеку, а также их личное имущество, им лучше вернуться домой. За разрешением на это они обратились в консисторию Абоского университета: «В Москве ждать нам особо нечего. Все профессорские библиотеки уничтожены, уничтожен и сам университет, и даже книги, бывшие у нас с собой... Так что мы с радостью воспользуемся возможностью уехать из этого места, где судьба уничтожила радостные надежды на будущее и отняла у нас возможность продолжить нашу карьеру к пользе собственной и общества, коему обязаны мы всеми своими устремлениями»⁴³.

31 марта такое разрешение было получено, к нему прилагались 300 рублей на путевые расходы. Уже на следующий день Эрстрём получил «подорожную», в которой было предписано «следующему по казенной надобности кандидату Московского университета Густаву Эрстрёму из Нижнего Новгорода в Москву давать на почтовых станциях почтовых лошадей с кучером без задержки».

Вернувшись в Финляндию, Эрстрём возобновил свои занятия русским языком и вскоре защитил диссертацию по русскому языку и в 1816 г. стал доцентом русского языка и литературы. Вместе с Отгелином, преподававшим русский язык и математику в гимназии Порвоо, он подготовил и издал «Учебник русского языка для начинающих», «Практические упражнения по грамматике русского языка» и «Книгу

⁴³ Ketola 2007: 50.

для чтения по русскому языку со словарем» в трех частях.⁴⁴ Эти книги неоднократно переиздавались и использовались в университетах и школах Финляндии до конца XIX в.⁴⁵ Перу Эрстрёма принадлежит и небольшая работа по истории изучения русского языка в Финляндии.⁴⁶

Как лектор русского языка в 1816–1824 гг. Эрстрём выступал в роли поборника русского языка и публично высказываться по языковым вопросам в публичных дебатах, получивших название «русской распри». Он разработал детальную программу замены шведского языка финским в качестве языка образования, поскольку он рассматривал шведский как чуждый элемент в стране.⁴⁷ При этом Эрстрём ратовал за развитие русского языка в Финляндии и считал, что финские официальные лица должны владеть языком империи и что его следует преподавать не только в университете, но и в школах. Такое отношение к русскому языку в Финляндии определялось не только и не столько его научными интересами, сколько трезвым пониманием новой политической ситуации, сложившейся в Финляндии. В 1820 г. Эрстрём в двух пространственных промемориях описал проблемы русского языка в Финляндии и высказал свои предложения по его эффективному преподаванию.

В то же время Эрстрём проявил себя как активный поборник развития финского языка, которым владел довольно слабо, тем не менее, понимал его значение для развития финской нации, которая должна являть собой одно целое. В противном случае, по его мнению, она может разделиться на две части, все более отдаляющиеся друг от друга.⁴⁸ Он требовал включить финский язык в школьную программу и был уверен в том, что будущем «финский язык как язык национальный займет то место, которое сейчас занимает шведский, и он будет принят в качестве официального языка нации».

Успешная академическая карьера Эрика Густава Эрстрёма была прервана по вполне банальным «семейным обстоятельствам». Вскоре после возвращения в Або Эрик Густав женился на дочери пастора и сестре профессора математики Юхана Альстеда Ловисе. Семья быстро увеличивалась, и скромное жалование доцента уже не могло обеспечивать ее материального достатка. Поэтому по совету своих друзей он решил пойти по стопам отца и стать священником.

В 1824 г. он был рукоположен в сан пастора и получил приход в юго-западной Финляндии в местечке Тенала. Пасторат в Тенала был доходным и обеспечивал семью Эрстрёма материально, но не отвечал его интеллектуальным запросам. Со своим академическим багажом он вполне мог претендовать на более значительное место. Узнав о том, что в Петербурге скончался пастор прихода Св. Екатерины Карл Таваст, Эрстрём обратился в евангелический соборный капитул России с ходатайством о назначении на освободившееся место. В январе 1826 г. он был назначен членом евангелическо-лютеранской консистории и пастором общины Св.

⁴⁴ Jangfeldt 2010: 85.

⁴⁵ Roginskij 1991: 65.

⁴⁶ Ehrström E.G. 1822.

⁴⁷ Wassholm 2003: 7–10.

⁴⁸ Jangfeldt 2012: 87.

Екатерины в Петербурге. С этого времени началась новая глава в жизни как самого Эрстрёма, так и возглавляемого им прихода.

До 1826 г. в общине сменилось двенадцать пасторов, многие из которых были хорошими хозяйственниками и администраторами, при этом они проявляли интерес к истории прихода и собирали материалы о нем. Эрстрём продолжил эти традиции и осуществил масштабные перемены в финансовых делах. Он кардинально изменил и упорядочил церковное делопроизводство прихода и составил алфавитный реестр документов, систематизировал записи о рождениях, смертях, конфирмациях, приезжавших и уезжавших прихожанах, ввёл журнал входящей и исходящей корреспонденции. Эрстрём составил «Памятную и цензурную книгу», куда вносил подробные данные о частной жизни членов прихода: склонности к пьянству, раздорах в семье, нарушениях норм морали, даже о внешнем виде. Книга содержит также сведения об отношениях с властями и другими приходами и дает живую картину жизни общины и города в начале XIX в.⁴⁹

Исследовательский склад ума Эрстрёма сказался на историографии шведской и финской общин в Петербурге. Пастор стал их первым летописцем, и первым историографом. Он разобрал старые архивы финской и шведской церквей и издал книгу под названием «Исторические описания общин Св. Екатерины и Св. Марии, или шведская и финская общины в Санкт-Петербурге с краткими сведениями о всех общинах в Российской империи, подчиняющихся евангелическому соборному капитулу в Санкт-Петербурге».⁵⁰ Она представляет собой систематическое и последовательное изложение пребывания шведов и финнов в Петербурге в сочетании с фактическими данными, статистикой и личными комментариями.⁵¹

Эрстрём впервые ввел в обиход слова «финляндец» и «финляндский». В многонациональном Петербурге он много размышлял над вопросами языка и национальности в связи с вопросами преподавания в школе при общине. Следствием раздумий Эрстрёма стало то, что он назвал шведский и финский приход *Финляндским национальным приходом*, а его членов *финляндцами*.⁵² Термином «финляндец» он объединял всех уроженцев Финляндии независимо от языка и этнической принадлежности.⁵³ Позже финский писатель Тито Коллиандер усмотрел шутку музы истории Клио в том, что этот термин, ставший предметом ожесточенной полемики по языковому вопросу в Финляндии в 1930-х гг., имеет российское происхождение.

Пастор Эрик Густав Эрстрём прожил в России 10 лет. За это время он в совершенстве овладел русским языком. При этом он прилагал все усилия к тому, чтобы поддержать статус его родного шведского языка в шведской колонии в Петербурге. Язык петербургских шведов был засорен русицизмами и германизмами, зачастую они предпочитали говорить на русском или немецком языках. Некоторые полагали, что шведский язык не нужен их детям, если они будут жить в Петербурге,

⁴⁹ Ljudvigs 1998: 104–108; Jangfeldt 2010: 87.

⁵⁰ Ehrström 1829.

⁵¹ Juhneva 2006: 47; Jangfeldt 2010: 89–91.

⁵² Wassholm 2003: 8.

⁵³ Éngman 2005: 24.

а знание родного языка может отрицательно сказаться на немецком произношении. В забвении родного языка Эрстрём усматривал угрозу национальной самобытности и ратовал за сохранение петербургскими шведами родного языка. Как пастор прихода Эрстрём являлся также директором церковной школы, основным языком которой был шведский. В XIX в. эта школа была единственным заведением в столице, где можно было изучать шведский язык.⁵⁴

Пасторская деятельность Эрстрёма в Петербурге была непродолжительной. В 1831 г. от воспаления легких скончалась его жена Ловиса. Понимая, как нелегко ему будет одному с семьёю малолетними детьми, друзья познакомили его с 24-летней Фредерикой Шульман, дочерью полковникаиз Борго. Между ними возникла взаимная симпатия, и в 1832 г. они стали мужем и женой, а в 1835 г. у них родилась дочь. Через 5 недель Эрик Густав умер от тифа в возрасте 44 лет. Фредерика пережила его на один год. Детей взяли на воспитание родственники, а дневники, письма и бумаги Эрика Густава были сложены в сундук, в котором пролежали почти 150 лет.⁵⁵

В 1982 г., его прапраправнук врач и литератор Кристман Эрстрём получил стипендию от Шведской академии наук для знакомства с советской медициной и приехал в Москву, взяв с собой копии дневников своего прапрапрадеда. Он хотел повторить его путь от Москвы до Новгорода, которым тот прошел 170 лет назад, и найти места, упомянутые в дневнике, бросить ретроспективный взгляд на Россию 1812 г. Но Нижний Новгород, тогда называвшийся Горьким, был закрыт для иностранцев, и Кристман добрался лишь до Владимира. Там он написал послесловие к дневнику в форме письма Эрику Густаву. В нём есть такие строки:

«Дорогой Густав!... Как член твоей семьи в пятом поколении я пишу тебе для того, чтобы рассказать о том, что случилось потом. ...

Много изменилось в России после наполеоновских войн. В 1861 году крестьяне перестали быть крепостными, но вряд ли они стали жить лучше... Старое русское общество рухнуло в 1917 г. Бывшие дворяне стали таксистами в Париже, а новое общество строят рабочие, солдаты крестьяне. Стало ли лучше после революции? Этот вопрос занимает политиков моего поколения. Но он может вызвать еще больше крови, голода и войн.

Твое общество 1812 г. было вероятно таким же беспокойным, жестоким и кровавым как мое... Твоя Россия, Густав, не была лучше моей. Это была эпоха войн, смятения, хищничества и голода. Это была та же Россия, которую твои потомки видели потом после многих других войн.

Давай же закончим твой дневник, Густав, с робкой надеждой на лучшее будущее».

Вернувшись в Швецию, Кристман Эрстрём занялся подготовкой к печати дневников Эрика Густава. В 1985 г. вышел его русский дневник 1812–1813 гг. под названием «Москва горит»⁵⁶, а в следующем году – часть военных дневников под названием «Пушки Оравайса».⁵⁷

⁵⁴ Jangfeldt 2010: 91–92.

⁵⁵ Большая часть архива Эрстрёма хранилась в архиве общины прихода Св. Екатерины, которая прекратила свою деятельность в 1936 г., после чего архив был вывезен в Стокгольм и передан в Государственный архив Швеции.

⁵⁶ Ehrstém 1984-1985.

⁵⁷ Ehrstém 1986.

REFERENCES:

- Ajzikova, I. (redaktor), *Sobranie stihotvorenij odnosjaščihsja k nezabvennomu 1812 godu*, Čast vtoraja, Moskva: Universitetskaja tipografija, 1814. (Russian Cyrillic)
- Andreev, A. Ju. „1812 god istorii Moskovskago universiteta“, <http://www.museum.ru/1812/library/Andreev/part3.html>. (Russian Cyrillic)
- Ehrström E. G. *Öfversigt af ryska språkets studium i Finland*, Åbo: J. C. Frenckel & Son, 1822.
- Éhrstëm, É. G. *Dlja menja i moih družej, 1812 god. Putešestvie iz Moskvy v Nižnij Novgorod*, Nižnij Novgorod: Nižegorodskij Gosuniversitet, 2013.
- Ehrström, E. G. *Historisk beskrifning öfver S:t Catharina och S:t Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i S:t Petersburg*, Åbo: J. C. Frenckel & Son, 1829.
- Ehrströms, E. G. *Kanonerna vid Oravais, dagbok från 1808 och 1811 utgiven av Christman Ehrström*, Borås: Legenda, 1986.
- Éhrstëm, É. G. *Moskva brinner: svensk dagbok från 1812*, Borås: Legenda, 1984-1985.
- Éngman, M. *Finljandcy v Peterburge*, Sankt Peterburg: Evropejskij dom, 2005. (Russian Cyrillic)
- Jangfeldt, B. „Ot varjagov do Nobelja“, in: *Švedy na beregah Nevy*, Moskva: Švedskij institut, 2010. (Russian Cyrillic)
- Juhneva, N. V. „Švedy v Peterburge“, in: *Istorija Peterburga*, 6 (34), 2006, 45-53. (Russian Cyrillic)
- Jussila, O. *Velikoe Knjažestvo Finljandskoe 1809-1817*, Helsinki: Ruslania Books Oy, 2009. (Russian Cyrillic)
- Ketola, K. F. „Moskovskie stipendiaty. 1812–1917 gg“, in: *Dva lika Rossii*, Sankt Petersburg: Evropejskij Dom, 2007, 46-66. (Russian Cyrillic)
- Kirjanov, I. A. „Suhoputnye svjazi Nižnego Novgoroda s Moskvoy (Do 60-ih gg. XIX v.)“, *Zapiski kraevedov. Očerki. Stati. Vospominanija. Dokumenty. Hronika*. Gorkij: Volgo-Vjatskoe knižnoe izd, 1983. S. 37–46. (Russian Cyrillic)
- Kovalenko, G. M., Kuznecov, A. A. „Nižnij Novgorod 1812 goda glazami finljandskago studenta“, *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N. I. Lobačevskogo*, 2012, 100-105. (Russian Cyrillic)
- Kozljakov, V. N. *Boris Godunov*, Moskva: Molodaja gvardija, 2011. (Russian Cyrillic)
- Kuznecov, A. A. „K izučeniju letopisnyh dat osnovanija Vladimira-na-Kljazme“, *Vestnik Nižneartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2011, 3-14. (Russian Cyrillic)
- _____. „Toponimika v rešenii voprosa ob obstojatelstvah osnovanija Nižnego Novgoroda“, *Mininskie čtenija*, 2003, 176-186. (Russian Cyrillic)
- _____. „Pogrebenie Kuzmy Minina: voprosy ostajutsja“, *Mininskie čtenija*, 2012, 171-177. (Russian Cyrillic)
- Kučkin, V. A. *Volgo-Okskoe meždureče i Nižnij Novgorod v srednie veka*, Nižnij Novgorod: Kvarc, 2011. (Russian Cyrillic)
- Lušin, A. N. *Nižegorodskoe narodnoe opolčenie v 1812–1814 godah. Urok rossijskogo patriotizma*, Nižnij Novgorod: Biblioteka imeni A. S. Griboedova, 2010. (Russian Cyrillic)
- Ljudvigs, F. *Švedy na beregah Nevy*, Moskva: Lomonosov, 2010. Russian Cyrillic)
- Morohin, A. V., Kuznecov, A. A. „Spasitel Otečestva: o načale formirovanija obraza Kuzmy Minina v otečestvenoj istoriografii“, *Mininskie čtenija*, 2011, 186-206. (Russian Cyrillic)
- Pohjolan-Pirhonen, H. *Kansakunnan historia*, III. Porvoo: W. Söderström, 1973.
- Roginskij, V. „Dnevniky finljandskago studenta“ *Naše nasledie*, 5, 1991, 64-67. (Russian Cyrillic)
- Simeonovskaja letopis*, Moskva: Znak, 2007. (Russian Cyrillic)
- Šajdakova, M. Ja. *Nižegorodskie letopisnye pamjatniki XVII v*, Nižnij Novgorod: Nižegorodskij Gosuniversitet, 2006. (Russian Cyrillic)
- Wassholm, J. „E.G. Ehrström och Finlands tre språk“, in: *Laboratorium för folk och kultur*, 2–3, 2003, 163-170.

GENNADY MICHAILOVICH KOVALENKO

Russian Academy of sciences
St.-Petersburg institute of History

ANDREY ALEKSANDROVICH KUZNETSOV

N. I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
Chair of History of Medieval Civilizations

ERIC GUSTAV ERSTRÖM IN FINLAND AND RUSSIA

Summary

The article is devoted to Eric Gustav Erström's biography. E.G. Erström was a Swede by nationality and a native of Finland. Erström is the author of the travelogue "For me and my friends." In this text Erström's travel from Moscow to Nizhny Novgorod in 1812 is described. Then Erström became the author of textbooks on Russian in Finland. Erström was the pastor of the Lutheran parish in St. Petersburg. The biography of Erström is submitted in the context of political and cultural events of the first third of the 19th century.

Keywords: Eric Gustav Erström, Russia, Sweden, Finland, Patriotic war of 1812, Napoleon, Alexander I, Moscow, Nizhny Novgorod, identity, travelogue.

© Faculty of Philosophy, Novi Sad, 2016

ISTRAŽIVANJA – JOURNAL OF HISTORICAL RESEARCHES 27, 168-189